

УДК 821.161.1.09«18»
DOI 10.17223/18137083/72/6

**«Досугов мирных светлые занятия...»
Концепт ДОСУГ в русской литературе XIX века**

Е. Н. Строганова

*Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Россия*

Аннотация

В русской литературе XIX в. истинным назначением досуга предполагалась польза, которую можно извлечь из употребления свободного времени. К сфере досуга относили нерегламентированные занятия, составляющие частную жизнь человека, досуг мыслился и как необходимое условие литературного труда. Но такого рода занятия имели отношение преимущественно к жизни привилегированного сословия. В середине XIX в. одним из аспектов в обсуждении проблемы социального неравенства становится выделение на авансцену фигуры крестьянина / труженика как потенциального обладателя досуга.

Ключевые слова

досуг, русская литература XIX в., эволюция, частная жизнь, свободное время, социальная маркированность

Для цитирования

Строганова Е. Н. «Досугов мирных светлые занятия...» Концепт ДОСУГ в русской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 80–91. DOI 10.17223/18137083/72/6

**“Of peaceful leisure quiet occupations...”
The concept of *LEISURE* in the Russian literature
of the 19th century**

E. N. Stroganova

*The Kosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In recent years, the question of peculiarities of the concept of *LEISURE* has become actual in Russian philological studies. However, little has been said about its use in nineteenth-century literature. The semantic base of the concept of *LEISURE*, as well as that of *rest*, *idleness*, or *entertainment*, is *free time*. However, they are marked by considerable dissimilarities. In Russian literature of the nineteenth century, the true aim of leisure was thought to be the benefit that could be derived from free time. This idea is best testified by prosaic texts. The poetry of the early nineteenth century manifested in various forms the idea of leisure as indispensable for private life, compared to state service. The sphere of leisure included private oc-

© Е. Н. Строганова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

cupations: reading, self-education, spiritual work (meditation, reverie, self-knowing), communication with friends, private correspondence. Leisure was also a prerequisite for literary work. However, those occupations were peculiar to the privileged class. In the middle of the nineteenth century, one of the discussion aspects of the social inequality problem was putting forward the peasant (a working man) as a potential beneficiary of leisure. Popular leisure was thought to consist mainly of intellectual occupations, i.e., education and mental development. Towards the end of the nineteenth century, due to growing political struggle, providing workers with leisure time was perceived as one of its incentives.

Keywords

leisure, Russian literature of the nineteenth century, evolution, private life, free time, social markedness

For citation

Stroganova E. N. "Of peaceful leisure quiet occupations..." The concept of *LEISURE* in the Russian literature of the 19th century. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 80–91. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/6

Проблема досуга, восходящая к античной философии, традиционно обсуждалась в социально-экономических трудах и не входила в сферу компетенции филологических наук (исключением можно считать лишь давнюю статью Б. М. Ляпунова [1946]). Но в последние годы вопрос о концепте *ДОСУГ* актуализировался и в работах филологического характера [Живов, 2009; Клейн, 2017; Muse-Diskurs..., 2017]. Вместе с тем в отечественных исследованиях не уделяется внимание особенностям бытования этого концепта в русской литературе XIX в., чем и вызвано наше обращение к теме.

В словарях современного русского литературного языка слово *досуг* определяется как «время, сводное от обычных, постоянных занятий, дел» [СЯП, 1956, с. 702]¹. Но, рассмотрев эволюцию концепта *ДОСУГ*, В. М. Живов предложил принципиально иное толкование: «время, свободное от навязанной извне регламентации, а не время, не занятое трудом» [2009, с. 71]. Сразу скажем, что к такому общему выводу приводит и рассмотренное нами функционирование понятия *досуг* в текстах XIX в.

Семантическим ядром концепта *ДОСУГ* является свободное время, и это роднит его с такими понятиями, как *отдых*, *развлечение*, *праздность*. Критерии разграничения *досуга* и *отдыха* были предложены еще в трудах Аристотеля, который различал их по назначению. Досуг он считал основной целью, «определяющим началом для всего», «закрывающим уже в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь» [Аристотель, 1983, с. 630]. Отдых же, по его словам, не представляется целью, «потому что он существует ради деятельности» [Там же, с. 280], т. е. он нужен во имя продолжения работы. Как определенная потребность, «нечто вроде необходимой передышки между двумя трудами» характеризуется отдых и в современном философском словаре [Конт-Спонвиль, 2012, с. 381]. Но, дифференцируя деятельность и досуг, Аристотель предполагал, что досуг должен быть чем-то заполнен, что «для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему научиться», – к таким умениям он относил музыку, не исключая, следовательно, из сферы досуга определенные занятия, доставляющие наслаждение.

¹ См. также: «время, свободное от работы, занятий, каких-либо дел» [ССРЛЯ, 1954, стб. 1050]; «время, не занятое работой, какими-либо делами» [СлСРЛЯ, 1993, с. 428].

Современные толкования понятия *развлечение* восходят к Паскалю, который видел в развлечении способ ухода от мыслей о бренности существования. Он считал, что, если человек «лишен развлечений и предоставлен догадкам и раздумьям о том, кто он есть <...> он с неизбежностью придет к мыслям о том, что ему угрожает <...> о неминуемой смерти и болезнях» [Паскаль, 1995, с. 113]. Развивая мысль Паскаля, А. Конт-Спонвиль замечает, что развлечение – «это своего рода добровольное переключение внимания, метафизическое отвлечение» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 473]. Для разграничения понятий *досуг* и *развлечение* важна мысль Паскаля о том, что развлечения «приходят извне и от других» [Паскаль, 1995, с. 112], иными словами, не предполагают каких-либо личных усилий или минимизируют их. В XIX в. такому толкованию соответствовали, например, формы времяпрепровождения, перечисленные в стихотворении Е. П. Ростопчиной «Бальная сцена» (1843): «праздники, забавы, балы, театры, пикники» [Ростопчина, 1987, с. 95]. Показательно, что в том же стихотворении возникает и понятие *досуг* в форме прилагательного «досужный», которое противопоставлено развлечениям.

«Непростая лингвистическая судьба *праздности*» подробно рассматривается в статье В. М. Живова. Ученый обращает внимание на то, что в книжной культуре Московской Руси, носившей религиозный характер и лишенной светских элементов, а также и позднее, вплоть до середины XVIII в., слово *праздность* имело только негативные коннотации. Со второй половины XVIII в. понятие *праздность* включается в «дискурс свободного времени» и в отдельных случаях приобретает позитивное значение [Живов, 2009, с. 86–93]. О неустойчивости использования этого слова свидетельствуют два хронологически близких текста. В повести М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770) понятие *праздность* имеет сугубо негативный смысл: «Некоторые люди проводят ее в трудах и в делах, обществу полезных, а другие в праздности и безделках...» [Чулков, 1970, с. 202]. И совсем иначе используется оно в «Слове о происшествии и учреждении университетов» И. А. Третьякова (1768), где прилагательные «досужный» и «праздный» имеют нейтральный смысл: «Сии примеры не в предосуждение здесь ученому свету приводятся, но только в доказательство того, что наук началом было не что другое, как только одно людей свободных от трудов досужное и праздное время...» [Избранные произведения..., 1952, с. 339].

В поэзии первой трети XIX в. также можно найти примеры сближения понятий *праздность* и *досуг*:

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время
[Пушкин, 1937, т. 1, с. 153].

Прости! Бог весть – когда опять,
Желанный друг в гостях у друга,
Я счастье буду воспевать
И негу праздного досуга!
[Баратынский², 1989, с. 70].

² Как установлено А. М. Песковым [1998], правильное написание фамилии поэта – Боратынский.

В целом же в русской культуре позитивное восприятие праздности оказывается «кратковременным эпизодом» [Живов, 2009, с. 93]. Рядом со словом *праздный* понятие *досуг* приобретает негативные коннотации, наполнением свободного времени оказываются пустые разговоры, непритязательное чтение, пьянство и т. д.: «Поэт и беллетрист услаждали тогда лишь праздный досуг, доставляли занимательное чтение, а вкусы и требования были еще настолько неразвиты, что известной части *образованной публики* трагедии Баркова были понятнее и выше “Полтавы” Пушкина» [Шелгунов и др., 1967, с. 113]. Но и без уточняющего эпитета досуг, если он оборачивается бездумным и бесцельным времяпрепровождением, по сути, изображается как праздный: «Чичиков <...> оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркале...» [Гоголь, 1994, с. 329]; «Кроме тоски и запоя, нечем было пополняться его досугу» [Эртель, 1883, с. 42]; «Он делил свои досуги, – а досуга у него было двадцать четыре часа в сутки, – между пивной и шатаньем по бульварам, между бильярдом, винтом, театром, чтением газет и романов и зрелищами цирковой борьбы...» [Куприн, 1958, с. 182] и т. п.

Негативное восприятие «бессмысленного досуга»³ [Языков, 1964, с. 405] существовало на фоне представлений о том, каким должно быть истинное его назначение. В текстах XIX в., чаще всего прозаических, упоминания о досуге предполагают пользу, которую можно извлечь из употребления свободного времени. К сфере досуга относят чтение, творческую деятельность, научную работу, самообразование, духовную работу (самопознание, размышления, мечты), дружеское общение, частную переписку и т. п.: «Люди – дети, вечно озабоченные, вечно суетящиеся. Торопясь за неуловимым завтра, имеют ли они досуг разбирать и разлагать сущность вещи, поражающей их взоры?..» [Ган, 1986, с. 208]; «Аббат, ученый и просвещенный вместе, занимался ею *son amoge* и сообщал ей все, чему сам учился в свою молодость и что не переставал приобретать, посвящая постоянно свой досуг прилежному чтению по всем отраслям исторических наук и словесности» [Ростопчина, 1991, с. 165]; «Право, нужна Ваша ангельская доброта, чтобы <...> иметь время еще беспокоиться о мне и снабжать мои досуги чтением» [Чайковский, 1936, с. 179–180] и др.

Но подобного рода занятия имели отношение преимущественно к жизни привилегированного сословия. В. М. Живов писал о том, что в русской культуре начиная с указа Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762) досуг «концептуализируется как привилегия дворянства, данная ему собственником времени – государством, и понимаемая как время, свободное от службы, не оккупированное государством» [Живов, 2009, с. 71]. Этим определяется, в частности, тот факт, что в поэзии первой трети XIX в. в разных формах декларируется мысль о досуге как принадлежности приватной жизни человека, противопоставленной государственному служению.

Литературные занятия, которые с государственной точки зрения полагались делом второстепенным, традиционно включались в сферу досуга, о чем говорит, например, название сборника «Досуги, или собрание сочинений и переводов Михаила Попова» (1772). С досугом всегда связывается поэтическое вдохновение, в характеристике которого понятие *досуг* нередко соседствует с образами музыки, лиры или лютни как мифологических атрибутов поэзии:

³ А. А. Бестужев-Марлинский использовал яркую метафору «бесполезные дыры досуга» [1995, с. 504].

Пел от лени и досуга;
Муза мне была подруга;
Не был ей порабощен.
[Батюшков, 1977, с. 236].

Ты ввел меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал ее свинцовый груз
И перед ней унизился душою?
[Баратынский, 1989, с. 92].

Там он может на досуге
Звонку лютню острунять
И, о старом вспомя друге,
Песнь игриву напевать
[Капнист, 1973, с. 260].

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил изгнанной лиры пенью
И вдохновенный свой досуг.
[Пушкин, 1937, т. 4, с. 91].

Характерное для литераторов XVIII в. понимание досуга как необходимого условия творческой деятельности [Клейн, 2017] сохранялось на протяжении всего XIX в., чему находим подтверждение в автодокументальных, литературно-критических и биографических текстах: «Но нет у меня досуга, [без<заботной> <?>] вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения» [Пушкин, 1948, с. 50]; «...скажу только, что цензура была бы совершенно права, если бы не пропустила “Булавинского завода” в том виде, в каком на досуге, от времени до времени, я в течение двух лет обдумывал его продолжение» [Леонтьев, 2003, с. 746]; «Очевидно, он все дожидался досуга, который дал бы возможность обрабатывать неторопливо» [Розанов, 1996, с. 14]. О досуге в связи с литературными занятиями говорится и в художественных произведениях: «В местах, где мало знают просвещения и где пороки неизвестны <...> случилась сия повесть, которую нескромная молва, передавая из уха в ухо, донесла и до меня, а я от скуки, или лучше сказать от досугу, для памяти себе написал ее» [Львов, 1979, с. 35]; «Вообразите себе поручицу чудной, поражающей красоты, капитаншу, уроженку Северной Америки, переброшенную случаем с берегов Миссисипи на берега Оки <...> писательницу, то есть женщину, написавшую когда-нибудь в досужный час две-три повести, которые попались впоследствии под типографский станок» [Ган, 1986, с. 150]; «Ах, кстати, – перебил Зельтерский размышления Перегарина, – не хотите ли, я почитаю вам свое сочинение? На досуге как-то состряпал... Роман в пяти частях с прологом и эпилогом...» [Чехов, 1976, с. 95] и др.

В поэзии первой трети XIX в. изображению досуга сопутствует атмосфера радости, которая соотносится с представлением о свободе, молодости, веселье. Иногда слово пишется с прописной буквы, таким образом досуг персонифицируется, создается поэтический шаблон, утверждающий его предназначенность для житейских радостей:

Пускай в их шумный круг
Войдут: и *Вакх* румяный,
Украшенный венком,
С состаревшим вином,
С наследственной кружкой,
И *Шутка* с погремушкой,
И *Пляски* шумный хор –
Им рад *Досуг* шутливой;
Они осклабят взор
Работы молчаливой.
[Жуковский, 1999, с. 196].

...В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют! – задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях *Досуг*...
[Пушкин, 1947, с. 102].

Особенности использования в текстах XIX в. понятия *досуг*, которое касалось организации повседневного человеческого существования, определялись процессами социально-экономического и литературного развития. Процессы модернизации в России середины XIX в. повлияли на все сферы жизни, в том числе затронули и лексикон эпохи, обогатив старые понятия новыми смыслами. В этот период в литературе происходит смена эстетических парадигм и изменяется социальный состав писательского корпуса: говоря словами М. Е. Салтыкова, на смену дворянской литературе приходит литература разночинская. В связи с бытованием концепта *ДОСУГ* отметим знаменательную близость двух явлений. Изданный в 1762 г. Указ о вольности дворянства стал поводом для того, чтобы дворяне начали претендовать на независимость от государства и право самостоятельно определять наполнение своей жизни. Спустя сто лет аналогичная ситуация сложилась в отношении низших сословий, чей труд обеспечивал досуг дворянства. Но процесс этот был инициирован не самими трудящимися, а представителями дворянского сословия и разночинной интеллигенции. В трактате о политике Аристотель приводит изречение «Нет досуга для рабов» [1983, с. 619]. Положение крестьянства и других трудящихся слоев населения в России было именно таким. И одним из аспектов в обсуждении проблемы социального неравенства в середине XIX в. становится актуализация понятия *досуг* и выдвижение на авансцену фигуры крестьянина / труженика как потенциального его обладателя: «Положение мучительное <...> мы с вами <...> не можем и вникнуть в него, потому что для нас все в этом деле непонятно: и невозможность досуга, и вечная зависимость жизни от личного материального труда...» [Салтыков-Щедрин, 1968, с. 266]; «И разве не ощутительное, не несомненное благо то, что мужик, баба с ребенком не имеют дня и ночи покоя, а я дам им отдых и досуг?..» [Толстой, 1980, с. 118]; «...невероятные размеры труда, поглощающего *всю* крестьянскую жизнь, не оставляя досуга, который теперь лежит на крестьянине таким тяжелым и, как мне казалось (и кажется), бесплодным бременем» [Успенский, 1956, с. 18].

Отмеченные разными авторами обремененность народа постоянным трудом и отсутствие досуга воспринимались как следствие паразитической жизни высше-

го сословия: «Все это в его (землевладельца. – Е. С.) руках, потому что у него имеется достаточно досуга, да притом он съел, по крайней мере, девять десятых того яблока, которое росло на древе познания добра и зла, простолюдину же оставил только с капельку» [Салтыков-Щедрин, 1968, с. 447]; «...работники у нас, мужики, несут всю тягость труда <...> Все барыши заработной платы, на которые они бы могли улучшить свое положение, доставить себе досуг и вследствие этого образование, все излишки платы – отнимаются у них капиталистами» [Толстой, 1981, с. 101].

В литературе встречаются единичные примеры использования понятия *досуг* для характеристики народной жизни, но досуг этот изображается как в высшей степени уродливое явление. Свободное время оказывается лишь передышкой от работы, которая выливается в стремление забыться, уйти от жизни: «Таким образом поселок процветал, и обыватели постоянных дворов его могли на досуге поддерживаться при существовании там кабака» [Успенский, 1955, с. 438]; «Населенная сапожниками, пенькотрепальщиками, кустарями-портными и иных свободных профессий представителями, обладая двумя кабаками, воскресеньями и понедельниками, все свои часы досуга Пушкинская посвящала гомерической драке, в которой принимали непосредственное участие жены, растрепанные, простоволосые, растаскивающие мужей, и маленькие ребятишки, с восторгом взиравшие на отвагу тятек» [Андреев, 2007, с. 56].

В некоторых текстах, по-разному варьируясь, звучит мысль о необходимости изменить экономический порядок, для того чтобы народ получил доступ к жизненным благам, в том числе и к досугу: «Школы не помогут, а поможет такое экономическое устройство, при котором народ будет богаче, будет больше досуга, – и тогда будут и школы» [Толстой, 1981, с. 371]; «Если это (хлеб насущный. – Е. С.) есть – значит, у мужика есть досуг, значит, он ведет не прекратительную жизнь подъяремного животного, а здоровое существование разумного существа...» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 336].

При этом обращает на себя внимание, что основным содержанием народного досуга полагалось образование и умственное развитие – интеллектуальные занятия, без чего для русской интеллигенции была немислима полноценная жизнь: «Куда ни поди бедняк, что ни задумай приобрести себе, – ни к чему приступить нет, и на всем он должен потерпеть страшный изъян. На какие же средства будет он улучшать свое нравственное и материальное положение? Откуда возьмет он досуг для приобретения образования?» [Добролюбов, 1962, с. 247]; «Чтобы литература стала нераздельна с народом, как она была в сказочном младенчестве общества, пока не выдвинулось особо грамотное сословие от работающего <...> чтоб литература теперь стала нераздельна с народом, надо воспитание масс, то есть надобны массам свобода в жизни и досуг для образования...» [Огарев, 1952, с. 426].

Вполне определенно значение досуга как необходимого условия для достойного человеческого существования было заявлено в книге П. А. Кропоткина «Хлеб и воля» (1892): «Мы видим, что рабочий, обреченный на тяжелую борьбу за существование, осужден навсегда оставаться чуждым всем высшим наслаждениям, доступным человеку: науке и искусству, особенно творчеству в искусстве и науке. Именно для того, чтобы всем дать доступ к этим наслаждениям, которые известны теперь лишь немногим, для того чтобы доставить каждому досуг и возможность умственного развития, революция и должна обеспечить каждому хлеб насущный. Но после хлеба досуг является ее высшей целью» [1990, с. 114]. Собственно, именно об этом, но без упования на радикальные меры писали и совре-

менники Кропоткина. Подобные представления о социальной маркированности досуга имели общеевропейский характер, и нельзя отрицать вероятность того, что на суждения русских литераторов второй половины XIX в. оказали влияние социально-экономические теории европейских мыслителей, но эта тема заслуживает отдельного обсуждения.

Наблюдения над бытованием концепта *ДОСУГ* в русской литературе XIX в. показывают многообразие вариантов его использования, но вместе с тем дают представление об определенных тенденциях. Употребление понятия *dosug* определялось, во-первых, историческими условиями, во-вторых, собственно литературными факторами, а именно разницей между языком поэзии и прозы. Доминирующей тенденцией в использовании понятия *dosug* в прозаических текстах первой половины XIX в. было прямое или косвенное соотнесение его с категориями разумности и пользы. В поэзии пушкинского периода изображение досуга приобретает гедонистические черты, досуг мифологизируется как одна из житейских радостей и включается в парадигму атрибутов поэтического вдохновения. Имплицитно, по умолчанию, концепт *ДОСУГ*, связанный с понятием свободного времени, всегда имел социальный смысл, так как правом на досуг обладали только дворяне, однако во второй половине XIX в. социальный аспект актуализируется и возникает вопрос о праве низших сословий на досуг, который трактуется как разумный и полезный. К концу XIX в. в связи с обострением политической борьбы обеспечение трудящихся досугом осознавалось как один из ее стимулов. Основным содержанием досуга полагались интеллектуальная деятельность и духовная работа как необходимая часть разумного человеческого существования. Внешним образом такое понимание сохранилось и в постреволюционный период, но вместе с тем постепенно утрачивались столь актуальные для представителей дворянской культуры смысловые доминанты, как свобода в выборе занятий, самостоятельная организация свободного времени и независимость от официальной регламентации. Государство все больше претендовало на вмешательство в частную жизнь человека, регламентирование которой приобретало самодовлеющий характер.

Список литературы

- Андреев Л. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2007. Т. 1. 811 с.
- Аристотель.* Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
- Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 607 с.
- Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 476 с.
- Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. 703 с.
- Ган Е. А.* Суд света // Дача на Петергофской дороге: Проза русских писателей первой половины XIX века. М.: Современник, 1986. С. 147–212.
- Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5. 608 с.
- Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. 614 с.
- Живов В. М.* Время и его собственник в России раннего Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 26–101.
- Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянских культур, 1999. Т. 1. 758 с.
- Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. 697 с.

- Капнист В. В.* Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1973. 623 с.
- Клейн И.* Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 156–175.
- Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
- Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 643 с.
- Курприн А. И.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 5. 796 с.
- Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011. 1001 с.
- Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. Т. 6, кн. 1. 817 с.
- Львов П. Ю.* Роза и Любим: Сельская повесть // Русская сентиментальная повесть. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 33–61.
- Ляпунов Б. М.* Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и пр. // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1946. Т. 5, вып. 1. С. 63–68.
- Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. 864 с.
- Паскаль Б.* Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
- Песков А. М.* Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 488 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 531 с.; Т. 4. 484 с.; 1947. Т. 2, кн. 1. 606 с.; 1948. Т. 15. 392 с.
- Розанов В. В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. 702 с.
- Ростопчина Е. П.* Счастливая женщина. Литературные сочинения. М.: Правда, 1991. 448 с.
- Ростопчина Е. П.* Талисман: [Сборник]. М.: Моск. рабочий, 1987. 319 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 6. 740 с.; 1972. Т. 13. 814 с.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. 1334 с.
- СлСРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 4. 376 с.
- СЯП – Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1. 806 с.
- Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5. 429 с.; 1981. Т. 8. 495 с.
- Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 583 с.; 1956. Т. 5. 493 с.
- Чайковский П. И.* Переписка с Н. Ф. фон Мекк: В 3 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 3. 682 с.
- Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. 551 с.
- Чулков М. Д.* Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины // Русская литература XVIII века. Л.: Просвещение, 1970. С. 184–203.
- Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. [Б. м.]: Худож. лит., 1967. Т. 1. 511 с.
- Эртель А.* Записки Степняка. Очерки и рассказы: [В 2 т.]. СПб.: Изд-во О. И. Бакст, 1883. Т. 2. 298 с.

Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 708 с.
Muse-Diskurs. Russland im 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. von E. Cheaure. Tubingen: Mohr Siebeck, 2017. 206 с.

References

- Andreev L. N. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. T. 1* [Complete works and letters: In 23 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka, 2007, 811 p.
- Aristotel. *Soch.: V 4 t. T. 4* [Writings: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl', 1983, 830 p.
- Baratynskiy E. A. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1989, 476 p.
- Batyushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze* [Experiments in verse and prose]. Moscow, Nauka, 1977, 607 p.
- Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Kavkazskie povesti* [Caucasian tales]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 703 p.
- Chaykovskiy P. I. *Perepiska s N. F. fon Meck: V 3 t.* [Correspondence with N. F. von Meck: In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 682 p.
- Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. T. 4* [Complete works and letters: in 30 vols. Writings: In 18 vols. Vol. 4]. Moscow, Nauka, 1976, 551 p.
- Chulkov M. D. Prigozhaya povarikha, ili Pokhozhdeniya razvratnoy zhenshchiny [Pretty lady-cook, or affairs of a dirty woman]. In: *Russkaya literatura 18 veka* [Russian literature of the 18th century]. Leningrad, Prosveshchenie, 1970, pp. 184–203.
- Dobrolyubov N. A. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 5* [Collected works: in 9 vols. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, GIKhL, 1962, 614 p.
- Ertel' A. *Zapiski Stepnyaka. Ocherki i rasskazy: V 2 t. T. 2* [Notes of Stepnyak. Essays and stories: in 2 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, O. I. Bakst Publ., 1883, 298 p.
- Gan E. A. Sud sveta [Court of light]. In: *Dacha na Petergofskoy doroge: Proza russkikh pisatel'nic pervoy poloviny 19 veka* [Dacha on the Peterhof Road: Prose of Russian female writers of the first half of the 19th century]. Moscow, Sovremennik, 1986, pp. 147–212.
- Gogol N. V. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 5* [Collected works: in 9 vols. Vol. 5]. Moscow, Russkaya kniga, 1994, 608 p.
- Izbrannye proizvedeniya russkikh mysliteley vtoroy poloviny 18 veka: V 2 t. T. 1* [Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat, 1952, 697 p.
- Kapnist V. V. *Izbr. Proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Sov. pisatel', 1973, 623 p.
- Kleyn I. Sluzhba, len' i "sladostnyy dosug" v russkoy dvoryanskoy kul'ture 18 veka [Service, laziness and "sweet leisure" in Russian noble culture of the 18th century]. In: *18 vek. Sb. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii 18 veka* [The 18th century. Coll. 29: Literary life in Russia of the 18th century]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkhoeo, 2017, pp. 156–175.
- Kont-Sponvil' A. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, Eterna, 2012, 752 p.
- Kropotkin P. A. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and will. Modern science and anarchy]. Moscow, Pravda, 1990, 643 p.

- Kuprin A. I. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 5* [Collected works: in 6 vols. Vol 5]. Moscow, Goslitizdat, 1958, 796 p.
- L. N. Tolstoy i A. A. Tolstaya. *Perepiska (1857–1903)* [L. N. Tolstoy i A. A. Tolstaya. Correspondence (1857–1903)]. Moscow, Nauka, 2011, 1001 p.
- Leont'ev K. N. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. T. 6, kn. 1* [Complete works and letters: In 12 vols. Vol. 6, bk. 1]. Moscow, "Vladimir Dal" Publ., 2003, 817 p.
- L'vov P. Yu. Roza i Lyubim: Sel'skaya povest' [A rural story]. In: *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental story]. Moscow, MSU Publ., 1979, pp. 33–61.
- Lyapunov B. M. Iz semasiologicheskikh etudov v oblasti russkogo yazyka: "dosug" i pr. [From semasiological etudes in the field of Russian language: "dosug", etc.]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1946, vol. 5, iss. 1, pp. 63–68.
- Muse-Diskurs. Russland im 18. und 19. Jahrhundert*. E. Cheure (Ed.). Tubingen, Mohr Siebeck, 2017, 206 p.
- Ogarev N. P. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya: V 2 t.* [Selected socio-political and philosophical works: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat, 1952, 864 p.
- Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1995, 480 p.
- Peskov A. M. *Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Boratynskogo* [Chronicle of life and creativity of E. A. Boratynsky]. Moscow, New Literary Observer, 1998, 488 p.
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete works: in 16 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1937, vol. 1, 531 p.; vol. 4, 484 p.; 1947, vol. 2, bk. 1, 606 p.; 1948, vol. 15, 392 p.
- Rozanov V. V. *Sobr. soch. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo* [Collected works. Legend about a Grand Inquisitor of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Respublika, 1996, 702 p.
- Rostopchina E. P. *Schastlivaya zhenshchina. Literaturnye sochineniya* [Happy woman. Literary compositions]. Moscow, Pravda, 1991, 448 p.
- Rostopchina E. P. *Talisman: Sbornik* [Talisman: Collection]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1987, 319 p.
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobr. soch.: V 20 t.* [Collected works: In 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1968, vol. 6, 740 p.; 1972, vol. 13, 814 p.
- Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhaylov M. L. *Vospominaniya: V 2 t. T. 1* [Memoirs: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozh. lit., 1967, 511 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. T. 3* [Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols. Vol. 3.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, 1334 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 4* [Dictionary of modern Russian literary language. Vol. 4]. Moscow, Rus. yaz., 1993, 376 p.
- Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t. T. 1* [Dictionary of Pushkin's language: In 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1956, 806 p.
- Tolstoy L. N. *Sobr. soch.: V 22 t.* [Collected works: In 22 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1980, vol. 5, 429 p.; 1981, vol. 8, 495 p.
- Uspenskiy G. I. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. Moscow, GIKhL, 1955, vol. 2, 583 p.; 1956, vol. 5, 493 p.
- Yazykov N. M. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1964, 708 p.

Сведения об авторе

Строганова Евгения Нахимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского искусствознания Института славянской культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Россия)

enstroganova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0288-4287

Information about the author

Evgenia N. Stroganova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Slavic Art Studies, The Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation)

enstroganova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0288-4287